

дrei Hauptdialekte des Ižorischen, und falls die Entstehung einer gleichartigen Geminatation in einigen finnischen Dialekten mit dem Ižorischen verbunden wird, kann der Einfluß nur vom Ižorischen ausgegangen sein.

Im sechsten Kapitel — «Wortauslautende Konsonanten» — bildet das wortauslautende *-n* das Hauptproblem. Wie auch in den südöstlichen finnischen Dialekten sind die Bedingungen des Erhalts und des Schwundes dieses Konsonanten ziemlich kompliziert. In den in der Dissertation behandelten Dialekten erhält sich das wortauslautende *-n* konsequent im Genitiv, in der ersten Person des Singulars der Verben, in den Suffixen *-ton*, *-tön* der karitativen Adjektive und in der dritten Person des Singulars der Possessivsuffixe. Sowohl der Schwund als auch der Erhalt sind im Illativ und in den Nomina mit dem *inen*-Suffix möglich. In den Formen des Präsens und Imperfekts des Impersonals ist meistens das *-n* geschwunden, hat sich jedoch in Einzelfällen auch erhalten. Aus demselben Kapitel geht auch hervor, daß *-n* auch in einigen im Lomonosover Rayon liegenden Dörfern in der Endung der 1. Person des Plurals der Verben vorkommt, z. B. *māmān* 'wir gehen', *tuliman* 'wir kamen'. Nach der Ansicht der Verfasserin äußert sich hier der Einfluß des Hevaha-Dialekts des Ižorischen.

Das siebente Kapitel behandelt die Palatalisation der Konsonanten. L. J. Galachova hat auch solche Palatalisationstypen gefunden, die auf dem Territorium Finnlands unbekannt sind. So ist in den Dialekten der Leningrader Oblast die Palatalisation des Konsonanten vor einem geschwundenen *a* oder *ä* in einigen Kasusformen möglich, z. B. *vūvveš* 'im Jahr', *kūläst* 'aus dem Dorf'. Die Palatalisation erfaßt auch primäre Geminaten, z. B. *pässi* 'Schafbock', *keit'ti* '(er) kochte'.

L. J. Galachovas Dissertation hat mit ihrem reichen, gut systematisierten Material und mit den auf diesem beruhenden Schlußfolgerungen unser Wissen über die finnischen Dialekte der Leningrader Oblast wesentlich ergänzt. Die in der Forschungsarbeit dargelegten Ergebnisse verdienen der Beachtung vom Standpunkt der gesamten ostseefinnischen Sprachforschung aus.

Die Verteidigung der Dissertation fand am 12. Dezember 1974 vor dem Kollegium der Philologischen Fakultät der Leningrader Staatlichen Universität statt. Die offiziellen Opponenten waren G. M. Kert (Petrozavodsk) und der Unterzeichnete. Es wurde beschlossen, L. J. Galachova den wissenschaftlichen Grad eines Kandidaten der Philologie zu verleihen.

ARVO LAANEST (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.2.11>

Р. А. Алешкина, Односоставные глагольные предложения в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1974.

22 марта 1974 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита кандидатской диссертации аспиранткой сектора языка Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР Р. А. Алешкиной на тему «Односоставные глагольные предложения в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках». Officialными оппонентами выступили академик АН ЭССР доктор филологических наук П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук М. Мосин (Саранск).

Нет необходимости говорить о значении данной работы, поскольку она посвящена актуальной и вместе с тем не исследованной проблеме синтаксиса мордовских языков. Диссертация Р. А. Алешкиной представляет собой монографическое описание односоставных глагольных предложений. Необходимость в таком исследовании вызвана потребностями развития финно-угроведения в целом, мордовского языкознания в частности, а также потребностями преподавания эрзянского и мокшанского языков в школах и высших учебных заведениях.

На основе анализа большого материала из произведений устного народно-

го творчества, художественной литературы, периодической печати и записей диалектных текстов диссертантке удалось дать удачную классификацию односоставных глагольных предложений, выделить их разновидности, глубоко и всесторонне вскрыть грамматическую и семантическую сущность.

Этим определяется ценность и значимость представленной работы. Ее автор обнаруживает хорошую общелингвистическую и специальную подготовку, большую наблюдательность, умение оперировать языковым материалом.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении дан краткий анализ изученности проблемы не только в мордовских, но и в других финно-угорских языках, а также определены методологические и методические принципы исследования.

Учитывая грамматическую и семантическую специфику, а также достижения финно-угроведения и общего языкознания в этой области, Р. А. Лешкина при определении структуры односоставных предложений придерживается мнения большинства лингвистов, отмечающих, что главный член этих предложений не может считаться ни подлежащим, ни сказуемым.

На наш взгляд, автор диссертации правильно подходит к решению вопроса о включении предложений с главным членом в форме повелительного наклонения в состав определено-личных предложений. На основе семантико-грамматического принципа она выделила три самостоятельных грамматических типа односоставных глагольных предложений: 1) определено-личные предложения, 2) неопределено-личные предложения, 3) безличные предложения.

В первой главе подробно анализируется структура определено-личных предложений. Исходя из семантико-грамматической сущности, автор отграничивает односоставные предложения с глагольными формами 1-го и 2-го лица от конструкций с глагольной формой 3-го лица, вполне обоснованно считая последние неполными двусоставными предложениями. Среди определено-личных предложений выделены собственно-определено-личные и общенно-определено-личные. До сих пор в мордовской литературе обобщенно-лич-

ные предложения толковались как отдельный тип односоставных глагольных предложений. Автор диссертации, рассматривая эти синтаксические конструкции как разновидность определено-личных предложений, по нашему мнению, стоит ближе к истине. Однако включение их в состав определено-личных предложений следовало бы убедительнее аргументировать, а также подробнее остановиться на положениях, выдвинутых М. Н. Коляденковым по этому вопросу.

Обращает на себя внимание, что в мордовских языках для выражения лица в собственно-определено-личных предложениях в зависимости от наклонений имеются различные формы. Автор обстоятельно разбирает каждую форму. Отмечаются случаи, когда в собственно-определено-личных предложениях главный член выражен сложной формой, включающей, помимо основного глагола, инфинитив другого глагола, например: *Ликша ямк-сонь миеме Ласянь эйсэ кучан* 'Гречиху продавать Ласю посылаю' (стр. 23).

Среди собственно-определено-личных предложений с главным членом в форме множественного числа выделены три вида. Наиболее интересной представляется семантика предложений, где говорящий не хочет вычлнить свое «я» из группы лиц, с которой он связан по производимому действию, например: *Ансяк снар-тык, — отвечась тенстр кеженз кирдемэз Штагай Макар, — ансяк венстеде кедь Гурьян казнямо, чиньжарамокс пуво-рясынек ды сезнесынек весе прянк* 'Только попробуйте, — ответил им, сдерживая злость, Штагай Макар, — только попытайтесь казнить Гурьяна — как с подсолнухов вывернем да потрываем всем головы' (стр. 26).

Своеобразны собственно-определено-личные предложения со стилистической заменой лиц. В них формально-грамматическое значение 1-го и 2-го лица множественного числа не совпадает с реальным его содержанием. Действие в речевой деятельности оказывается соотношенным не с множеством лиц, а с одним определенным лицом. Такая замена, как отмечает автор, делается в стилистических целях, когда, например, говорящему по ряду причин необходимо скрыть свою личность.

Во второй части первой главы рассматриваются особенности обобщенно-определенно-личных предложений. На конкретных примерах выявляется большое число морфологических форм — способов выражения главного члена этих предложений. Среди них самыми употребительными автор считает конструкции, главный член которых выражен глаголом в форме 2-го лица единственного числа. К этому типу определенно-личных предложений она относит народные изречения, пословицы и поговорки, например: *Паро книга вастат — ламонь кирда превть кастат* 'Хорошую книгу читаешь — знания свои умножаешь' (стр. 54).

Здесь надо отметить наблюдательность Р. А. Алешкиной при выявлении значений данных синтаксических структур. Она верно заметила, что эти конструкции в отношении лица обладают двойственной природой. С одной стороны, они обобщены, а с другой, частично конкретизированы в своей исходной или конечной точке.

В конце первой главы удачно описаны случаи стилистического употребления определенно-личных предложений, причем самой обширной сферой их применения является художественная литература, в меньшей мере они встречаются в научных трудах и публицистике.

Вторая глава диссертации знакомит нас с семантико-грамматической структурой определенно-личных предложений. В ней определено отношение автора, с одной стороны, к неопределенно-личным предложениям, с другой — к двусоставным неполным предложениям. Это разграничение основывается на глубоком анализе разных по построению и значению синтаксических конструкций. В работе на многочисленных примерах показано, что неопределенно-личные предложения в мордовских языках в большинстве случаев предшествуют контексту, в котором называется действующее лицо. Коммуникативной функцией их является констатация факта действия, состояния. Р. А. Алешкина, анализируя все имеющиеся грамматические формы выражения главного члена в неопределенно-личных предложениях, приходит к выводу, что наиболее распространено в мордовских языках употребление неопределенно-лич-

ных предложений с главным членом в форме изъявительного наклонения настоящего, будущего и особенно прошедшего времени.

В связи с различным характером соотношенности действия с реальным лицом-носителем автор выделяет две семантические разновидности неопределенно-личных предложений: 1) собственно-определенно-личные, 2) обобщенно-определенно-личные. Из них привлекают к себе внимание те предложения, в которых действующие лица обозначены в ближайшем контексте. Помимо контекста, средством конкретизации лица-носителя действия могут служить второстепенные члены предложения.

Эта глава написана обстоятельно и аргументированно, однако она была бы убедительнее, если бы автор привлекла материал других финно-угорских языков, в частности, в тех случаях, где мордовские синтаксические конструкции находят аналогичные соответствия в отдельных родственных языках.

Один из наиболее распространенных в мордовских языках типов односоставных глагольных предложений — безличные — детально анализируется в третьей главе. Как и первые два типа, безличные предложения охарактеризованы Р. А. Алешкиной на основе семантико-грамматического принципа. Отмечены основное структурное сходство, а также их отличия от личных неполных предложений. В зависимости от морфологического выражения главного члена в безличных предложениях выделяется шесть грамматических групп: безличные предложения, главный член которых выражен 1) собственно безличными глаголами, 2) личным глаголом в безличном значении, 3) инфинитивом, 4) причастиями страдательного залога прошедшего времени, 5) категорией состояния, 6) модальными словами. Среди выделенных конструкций многообразием структурных особенностей, на наш взгляд, отличаются предложения, главный член которых выражен личным глаголом в безличном значении и инфинитивом. Учитывая природу безличных предложений, диссертантка конкретно описала все значения, какие могут выражать отмеченные разновидности.

Следует отметить, что в мордовской лингвистической литературе так широко

и подробно особенности безличных предложений раскрываются впервые. Это описание важно с точки зрения не только теории, но и практики — в целях подготовки учебников и учебных пособий для школ и высших учебных заведений.

Глава о безличных предложениях была бы интереснее, если бы автор показала степень влияния на их структуру контактирующих языков.

Заключительная часть работы содержит подробные выводы по всем трем типам односоставных глагольных предложений. Автор приходит к выводам сопоставительного характера, отметив, что

морфологических форм выражения главного члена в определенно-личных предложениях в мордовских языках гораздо больше, чем, например, в русском. Их число увеличивается за счет форм семи наклонений.

Несмотря на незначительные недостатки, работу Р. А. Алешкиной «Односоставные глагольные предложения в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках» следует считать необходимым и ценным исследованием в области синтаксиса мордовских языков.

МИХАИЛ МОСИН (Саранск)

Я. Н. Попова, Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск 1975.

16 мая 1975 г. на заседании Объединенного Ученого совета по историко-филологическим и философским наукам Сибирского отделения Академии наук СССР успешно защитила кандидатскую диссертацию младший научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР Ядвига Николаевна Попова. Тема ее работы — «Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка». Официальными оппонентами выступили на защите доктор филологических наук профессор К. А. Тимофеев (Новосибирск) и кандидат филологических наук Ю. А. Морев (Томск).

В последние годы растет интерес к изучению самодийских языков. Активизация исследований в области самодологии уже начинает приносить плоды. Подробный обзор имеющихся достижений и очередных задач, стоящих перед учеными, дан в статье Н. М. Терещенко «Основные проблемы изучения самодийских языков» (ВЯ 1975, № 1, стр. 111—121). Н. М. Терещенко подчеркивает, что разработка проблем диалектологии занимает особое место, ибо изучение отдельных диалектов, часто значительно отличающихся друг от друга, способствует выявлению структуры языка в целом. Развертывание многосторонних диалектологических (а на их основе — и сравнительно-исторических) исследований предполагает прежде всего хорошо постав-

ленное изучение фонетики. Как раз с этой стороны работа Я. Н. Поповой (объем 190 стр.) чрезвычайно актуальна.

Во введении автор характеризует ненецкий как один из самодийских языков, приводит данные о его диалектном членении и истории изучения. Подводя итоги исследовательской работе в области ненецкой диалектной фонетики, Я. Н. Попова справедливо констатирует, что здесь остаются нерешенными еще многие проблемы. В связи с этим она ставит перед собой ряд вопросов: 1) охарактеризовать фонемный состав и фонетическую систему лесного наречия; 2) дать возможно полное описание артикуляционных характеристик лесного наречия в сравнении с артикуляционными особенностями тундрового наречия; 3) выявить наиболее полно и системно звуковые особенности лесного наречия по сравнению с тундровым; 4) на этой основе показать характер внутриязыкового развития и внешнего языкового влияния, приведших к образованию в ненецком языке столь отличных друг от друга наречий.

В соответствии с задачами работы автор опирается на сравнительно-сопоставительный метод как в синхроническом, так и в диахроническом плане, используя при этом традиционные слуховые и визуальные наблюдения. Следует приветствовать и попытку Я. Н. Поповой при-